

ПЕРЕПИСКА С В.Я. КУРБАТОВЫМ

6 декабря 2019 10:30

Побежал вставать на цыпочки у окна и выглядывать почту. Павел Григорьевич написал мне. Спасибо! Хотя уж мне поморских его краев не видать. Отъездился в такую даль. А они словно нарочно дразнят. В Иркутск вон двенадцать лет подряд летал - как теперь не рваться. И в Красноярске и в Овсянке у Виктор Петровича чуть не всякий год.. Теперь вот тоже тоскуй сиди. Охо-хо... Обнимаю Вас.

Ваш В. Курбатов

19 дек. 2019 12:17

Спасибо, Лола! Вчера воротился из Михайловского, а на столе извещение. Побежал сегодня и получил журнал и сразу жадно рассмотрел себя во всех поворотах. И к Вам с Лидией Степановной завернул, к товарищу Дон Кихоту. И в рассказ Павла Кренёва нетерпеливо заглянул, потому что полубил его живую поморскую интонацию и светлое сердце. Значит, будет чё почитать. Вот только библиотека наша не хочет закончить ремонт раньше лета и пока ютится в чужом углу, где если мы и соберём народ, то человек тридцать – больше в этот угол «не влезит». Разве постучаться еще в городскую библиотеку, но и там помещается столько же. И в краеведческую – там, может, и сорок «влезет». А, может, нам еще и в Михайловское хватить и провести презентацию там, в их малом зале? Попробуйте сочинить афишу, а я уж с ней похожу, пособлазняю тех и этих... Журнал действительно умён и серьёзен и не уступит ни «Знамени», ни «Современнику». Вот и надо показаться «на миру», чтобы было видно далеко «во все концы света». Может, и в наш молодой университет, переделанный из пединститута, загляну, хотя он уже прощается с русской речью. Вон недавно провели конференцию с программой: «нетворкинг о молодежной политике», «ворк-шоп о национальной традиции», «кесс-чейндж по проблемам перевода». А архангельская премия – Бог с ней. Там вон какие ребята – Сенчин, Рудалёв. Боевые нынешние. Не чета Пушкину. Улыбнулся, когда открыл поздравления. Прямо первая строка: Поздравляем! и следующая - Валентину Курбатову 80. Во, думаю, ловкий какой, успел в соответствии с тенденциями времени пол переменить, чтобы не отстать от века. Обнимаю Вас. Про гостиницу потом – вона еще скоко времени. Поклон Лидии Степановне и Павлу. А мне тут третьего дня дали медаль «За заслуги перед Псковской областью №1. Теперь я выгляжу вот так – совершенная новогодняя ёлка.

Ваш В. Курбатов.

23 декабря 2019 15:38

Милая Лола, получили ли моё благодарное слово по получении журнала? И Вы говорили о возможной афише, чтобы я мог показать, скажем, в Михайловском или университете (университет готов к встрече на филологической кафедре). Обнимаю Вас.

В. Курбатов.

25 дек 2019 18:08

Всё получил. Скопировал. Отдам в библиотеку. Там свои дизайнеры. Они что-нибудь дельное построят. Жалко только, что всё так бедно с аудиторией, что зала нет. Ну, придётся смирить наше честолюбие и представляться друг другу. Иногда это милее и сердечнее, и нужнее душе, чем чужие аудитории. А я тут видел Алёшу Варламова и намекнул ему, что журнал надо представить в Литинституте. Пусть ребята поборются за «Знакомства», пусть почувствуют журнал своим. Это и правда можно сделать «платформой» - представлять новые силы и новые времена. Другие журналы делают вид, что «ничего не случилось», что проза живёт как проза, поэзия как поэзия. А между тем случилось – время разбило все окошки. И вот находится х журнал, который не боится глядеть времени прямо в лицо и принимает вызов. И одновременно говорит молодому злему времени: а ты погляди вот этот текст старика. Не стыдно? То-то! Учись, засранец!

Может, не так высоко, но с этим смыслом. Алёша согласен. Так что Вы ему при встрече напомните. Обнимаю.

В. Курбатов.

29 дек. 2019 13:44

Ой, а афиша-то! Вот, старик он и есть старик. Не будем слушать про март. Пусть как условились – какую-никакую аудиторию найдем. Честолюбие в шею!

В.К.

31 дек. 2019 11:02

Я не решаюсь тревожить Георгия Николаевича - робею я перед ним. Но мне бы казался удобным такой вариант: 11-го приезжаете и мы отправляемся в Михайловское. Поезд приходит в 8.05, а автобус на Пушкинские горы часа через полтора. Но, если Вы позвоните, авось Георгий Николаевич пришлёт за Вами машину (чай, гости!). Ну, тогда и я примажусь. Денек погулять по Михайловскому, а 12-го к вечеру или днём (это определяет график Заповедника) презентация в Малом зале Научного центра. А на завтра (13-го утром) – в Псков. И там (к тому времени определится) либо в этот же день, либо на завтра днём - презентация в Университете. А вечером 14-го поезд в Москву. Было бы время поглядеть вокруг – что всё на бегу-то. У не дети... Обнимаю. С новым годом!

Ваш В. Курбатов.

5 янв 2020 13:47

И опять (старый дак!) только вздохну, как всегда в канун Рождества. Запоём завтра в ночь: «Рождество Твоё Христе Боже наш, возсия мирови свет разума...» и опять на минуту споткнемся о форму глагола «возсия». Это ведь уже навсегда сбывшийся, всякому сердцу явленный с Рождеством свет разума.

Такой ясный навсегда открытый и самому мудрёному уму, и совершенному простецу: «Да любите друг друга!». А мир упорно оставляет себе лазейку и устами бабушек поёт «возсияй», то есть обещаю себя – мы так ждём. А чего ждать-то? Он две тысячи лет светит, не уставая, да мы предпочитаем слепоту уклончивого упования вместо того, чтобы с любовью принять и светить миру Его светом, который дан нам в таинстве крещения и в нашем «Верую!» А «возсияй» и «верую» не согласны. В сбывшемся «верую» я каждым днём должен подтвердить свою веру, а в ожидаемом «возсияй» могу и погодить. Давайте, Лола, услышим вечное «возсия» и скорее увидим, что уже освещены и спасены. Мы уже забыли, что и в Новый год на ёлке возжигалась Его звезда, Его не оставляющий нас свет. Новый год освещался Его светом И мы входили в него господними детьми... Эх-х... Но ведь еще не поздно. Так и пойдём «звездой учахуся». С Праздником, Дорогая Лола!

Ваш В. Курбатов.

18 февр. 2020 11:10

Ещё и доехать не успели, а уж тут работа! Это рассказы того молодого человека, который сидел с нами после вступления в библиотеке. По текстам увидите, что правда силен и крепок. Вот его адрес: [redacted] Зовётся в почте Анатолий Рахматулин. Паки и паки обнимаю и умную Лолу, и матушку Улиту. И Павла Григорьяча. Спасибо, родные. Так уж привык, что скучаю...

Ваш В. Курбатов.

22 февр 2020 15:52

Нашел вот, что по моей просьбе жена перепечатала из Курносенко. Оказывается, я выбирал только самое «литературное», пропуская быт и все формы обращения. И отложил

на потом, даже не вычитывая. Простите. При случае поглядите – имеет ли смысл. Я бы тогда поискал письма целиком. Обнимаю.

Курбатов.

27 февр 2020 15;24

Вот что получилось, Лола. Поглядите. Чуть чего, можно или переставить куски или выкинуть, какие покажутся не важными. Тут редактору виднее. Я уже ослеп. К тому же собираюсь опять повалиться в больнице. И кто знает, когда выберусь, а там, может, будет и не до сочинений. А неуклюжесть слога в письмах как раз, по-моему, придаёт жизни. Не о стиле же заботился Володя, а чтобы скорее догнать мысль. Обнимаю Вас и Павла.

Ваш В. Курбатов.

4 марта 2020 10; 30

Какие непоседы! Что значит молодость! Неужели и я был таков? Да не-е-ет, я всегда был степенный обстоятельный человек – «самостоятельный мужчина». А уж теперь фсё-о! Только с печки на полати – вот и все мои путешествия. Охо-хо и кхе-кхе и ох, Господи, вступило! Обнимаю Вас и Павла. Поклон Лидии Степановне.

В.Курбатов.

24 марта 2020 12;19

Спасибо, Лола! Пора и правда своих товарищей видеть в вечности, а не в невозвратно минувшем, не сдать жадному забвению. Пусть Володя шагнёт первым. И как хорош он у Суглобова! Обнимаю Вас и Павла Григорьевича. Улыбнитесь письму «коллеги».

Ваш В.Курбатов

2 апреля 2020 15:44

Спасибо, Лола, номер получил. И опять порадовался. Ворчит вон Крупин, что литература кончилась на Шолохове и Распутине, а взял бы да почитал. И, может, устыдился бы. Правда, и я и сам-то ещё только наспех перелистал, пока с почты шёл, но глаз-то уж «пристрелямши» и сразу чувствуешь общий тон. Вот стану выходить на улицу и погляжу – там иначе читается (правильнее), чем в тесноте дома. Лучше правду чувствуешь по прохожим, по шелесту колёс, по облакам и нечаянным каплям. Паки и паки обнимаю Вас и Павла Григорьевича. И кланяюсь Лидии Степановне.

Ваш В. Курбатов.

8 апр 2020 12;54

Когда ещё, Лола, разберусь с письмами Пинского и Берестова (что-то ещё не перепечатано), а вот пока рылся, наткнулся на, к сожалению, не напечатанное в Красноярске (для которого было написано) сочинение тоже о переписке двух великих солдат («Енисей» перестал выходить, а для газет было многовато). Поглядите. В год Победы это, по-моему, очень было бы кстати. Обнимаю двум рукам.

Ваш В. Курбатов

19 апр 2020

Христос воскрес, дорогие мои Лола и Павел Григорьевич! А я вот впервые за пятьдесят пять лет встретил Пасху вне храма и сердце не на месте. Умничаю вот, утешаю себя: «Смерти празднуем умерщвление, а дово разрушение, инаго жития вечнаго начало...» Вдруг остановишься в смущении – не торжество ли смерти и не адово ли устройство? Храмы заперты для «общего дела», молятся одни клирики. Для них, наверно, это счастливые часы, когда они подлинно одно тело и мы не мешаем им своим непониманием, неумением вести себя и слышать сердцем. Ну, дай Бог! Пусть так! Только бы они потом вышли к нам новым телом и духом и обняли нас, как потерянных детей. И сами вспыхнули новой свечой! Слава

Богу церковная завеса не раздралась, а только сомкнулась перед нами, чтобы вырвать нас из уже бестрепетной и бестревожной привычки и незаметно выющегося в душе самодовольного фарисейского гнезда («слава Богу, мы не такие, как те, кто за оградой храма»). Совершающееся вокруг ведь тоже упрёк: блюдите, како опасно ходите. Бодрствуйте и молитесь и Бог даст увидите посреди беды новым зрением, как впервые, что подлинное и единственное умерщвление смерти – Христос. Христос Воскресе, родные! Обнимаю Вас.

Ваш В. Курбатов.

7 мая 2020 11:09

Пусть, Лола, так и останется простым живым восклицанием, потому что обстоятельных-то мнений и статей вон сколько. И каких глубоких. Поневоле будешь просто повторяться или «развивать» чужое. Живое-то и мгновенное лучше. Георгия Сандулова в помяник записал. Обнимаю. Скорее бы развиднелось в душе.

Ваш В. К.

21 сент 2020 10-28

Спасибо, Лола. Пал Евгеньич Фокин передал мне Ваш привет и напоминание о поездке в Архангельск. А вот поехать-то я и не смогу. Восьмого октября я должен быть в Пушкинских горах на открытии музея Саввы Ямщикова. Пал Евгеньич шепнул, что мне может перепасть в Архангельске медаль. Вот я и прошу заранее найти для неё другую грудь – мужичью, а если медаль будет вручать мужчина, то лучше женскую – она мягче. Остаюсь нежно вспоминающий Вас В. Курбатов

26 окт 2020 15:25

Вон, Лола какие мои живые и смешные письма нашлись в Пушкинском доме. Читал и радовался и воскрешал дни и сам воскресал. Не пригодятся ли Вашим «Знакомствам»? Василевичи в больнице уже две недели с тяжёлой пневмонией и пока просвета нет. Молюсь как умею. Обнимаю Вас.

Ваш В. Курбатов.

28 ноябр 2020 10:14

Спасибо, Лола! Всё на месте и всё как следует. И как хорош опять номер - сужу даже по той части, что пришла с моей версткой: и Кренёв, и Дуэль... Всё ворчишь, что матушка-литература померла. А откроешь очередной номер и устыдишься. Не то, что не померла, а даже ещё и не болела. Только лицом переменялась и ты не узнал. Привык к своей «бабе», а тут входит прелестная дама с незнакомым лицом и ты, вместо того, чтобы приударить за ней как встарь, вдруг ухватываешься за привычный подол и ворчишь: «Ходят тут...»

С нежностью обнимаю Вас. Поклон Павлу Григорьевичу.

Ваш В. Курбатов.

31 дек 2020 12:38

Здравствуй, дедушка Мороз, борода из ваты, ты подарки нам принёс – чё-то хреноваты. Ты уж давай не низкопоклонствуй перед Западом. Ты патриот или нет? Вспомни свой Устюг и давай по-людски. Погоним эту ихнюю заразу поганой метлой и встретим Новый год как новый-новый, с иголочки, без единой старой нитки, чтобы и нас все не узнали: Неужели это Россия, которая вчера рвалась в «цивилизованное человечество»? А сегодня не узнать! Красавица, умница, спортсменка, комсомолка! А мы им: «То ли еще будет! Вы ещё нас узнаете! Сами запроситесь под наше крыло, а только мы: «Кыш!» Потом, может, и сжалимся. Чай, русская душа - поделимся сердцем... Господи, помоги! Храбришься, храбришься, а на душе кошки. И все чёрные-чёрные... Обнимаю Вас, Лола! И Вас, Павел Григорьевич. Ничё! Ещё подержимся.

Ваш Курбатов.

6 янв 2021 18:44

Эх, как бы я спел сейчас у Вашего крыльца «Рождество Христово – ангел прилетел. Он летел по небу, тихо песню пел: «Вы, люди, ликуйте! Днесь все торжествуйте – Днесь Христово Рождество!». Но Вы вона где и «между нами снега и снега...», а но сердце-то, слава Богу, пока проворнее поездов и самолетов и можно р—раз и обняться и опять сидеть рядышком и распутывать клубки мира, которые запутываются всё изобретательнее и уж скоро их без Господней помощи уже не распутаешь. И это узорочье всё витиеватее и, видно, уже не обходится без ревнивого Художника, он же - Князь мира сего. Ну, что ж, встанем в Красный угол и поверим, что если наберём веры с горчишное зерно, то и «возсия миру свет разума» и уже не затмится вовеки. И «звездам служащие» будут учиться Звездой, восшедшей над яслями. А мы рядышком на высоком месте между волом и ослом. Обнимаю. Пошли за Звездой!

Ваш В. Курбатов.

7 янв 2021 19:45

у, слава Богу! Значит, побежал жить до февраля. Ни за что не умру, пока не понесут за мной на подушечке эту золотую медаль. Тем более золотую. Ка-а-к покажу ТАМ! Они там ка-а-к увидят! И сразу пропустят меня в Царствие Небесное, а я уж Вам там тихонько дверь отворю, потому что люблю и хочу и ТАМ быть рядом.

----- Исходное сообщение -----

От: Лола Звонарёва [redacted]

Дата: 07.01.2021 16:57 (GMT+03:00)

Кому: Валентин Яковлевич Курбатов [redacted]

Тема: Re: эх-х...

Дорогой Валентин Яковлевич! Спасибо за оригинальное поздравление. Вас тоже с Рождеством. Здоровья и новых талантливых текстов. Я Вам 5 января выслала журнал с Вашей перепиской — номер бандероли 11719855000207 Мечтаем с Павлом Григорьевичем приехать к вам 10 или 12 февраля, если снимут ограничения, но пока не похоже. хотели торжественно вручить Вам золотую медаль и диплом «Патриот России-2020», которые я бережно храню. с любовью ЛОЛА

16 янв 2021 13:26

По-стариковски выживаю из ума. Уже и не помню – поблагодарил ли за последний номер журнала. Опять обрадовался, что он всё молод и свеж. И все «знакомства» отрадны. Только и успеваешь пожимать руки и раскланиваться: «Очень приятно!» И на минуту забываешь своё ворчание на то, что «литература умерла» и опять жадно вглядываешься в новые знакомые лица. С Навечерием Богоявления! Эх, а ещё недавно мне хватало отваги «креститься» в наших «иорданиях». Теперь уж и подумать боюсь. Трусоват был Валя бедный... Обнимаю Вас.

Ваш В. Курбатов.

19 янв 2021 12:38

Нет, Лола, я не смогу написать предисловие к своему другу Семочкину, потому что гляжу на прошедшее проще и доверчивее. Я подумал: может быть, открыть этим материалом дискуссию, пригласив других участников осмыслить своё поколение. Покажите Павлу Григорьевичу – что он скажет. Мне кажется, из этой затеи мог выйти толк. Мне больно расхождение с моим товарищем, с которым мы долгие годы были неразлучны, даже собирались жить рядом, для чего начали строить мне избу в соседстве с ним. Познакомились смешно. Великий Семён Степанович Гейченко как-то написал мне (уже лет сорок назад), что был в Выре и встретил там интересного мужика: «Повидайтесь с ним.

Думаю Вам будет интересно». Я отписал Семочкину письмо о желании встречи, не ведая ни его лет, ни его пристрастий. Ответ был блестяще умен, старомоден, блистал какой-то прямо белогвардейской чистотой слога и мысли. Ну, думаю, вон какой старик. Поди, уж недолго протянет. Надо съездить хоть коснуться уходящей культуры. Приехал. Пошел на станцию Самсона Вырина, которую он воскрешал, спрашиваю у мужиков: Где? «А дома сидит. Там у моста через Оредеж увидишь капризный дом – это его». Прихожу, робею, стучусь. Открывает моё «зеркало» - одних лет, такая же бородёнка, тот же рост, удивлённое лицо. И мы захохотали. Оказалось, он по моему письму решил, что я тоже «белогвардеец» и тоже долго не протяну и надо успеть познакомиться. Оказалось, что мы одного года и даже одного месяца рождения служили на флоте на соседних крейсерах, оба радиотелеграфисты и старшие матросы. И потом выяснилось, что одновременно были вызываемы в 10- каюту, которая всегда на кораблях принадлежала КГБ, за неординарность мышления. Вот что значит «поколение». А вот тут его эссе больно задело меня холодным умом, словно речь не о Родине и не об общей истории, а о чем-то, что можно рассматривать с остраненным любопытством и холодностью аналитика. Простите. Обнимаю Вас.

Ваш В.Курбатов.

28 янв 2021 19:07

Какой смешной «автобиографический» текст нашел я в своих недавних бумагах. Два молодых (по моим меркам) человека решили поспрашивать у меня, такого ветхого, что мы были за ребята, не ведавшие счастья демократии.

А я возьми и начни отвечать. Скоро моим молодым товарищам стало ясно, что я отвечаю не так, как им хотелось бы. Не складывалось желанной картины той тесноты и этой свободы. И они отступились. А сейчас посмотрел, и вижу, что это как будто они специально для «Литературных знакомств» спрашивали. Можно бы и рубрику завести: «Как мы начинали?». И вышел бы неожиданный портрет ушедшего времени. Поглядите, Лола. По моему интересно (это я сам себя так подаю). Обнимаю.

Ваш В. Курбатов.

НАЧАЛО

Какая была Ваша самая первая книжка, помните? С чего Вы начали, как читатель?

Не зря наш бедный невольный карантин гонит нас от новости к новости и от обсуждения к обсуждению. Всё позабыли, все заботы дня. Только и вопросов: когда конец и что с нами будет? Уже нет прежней уверенности, что всё будет как было, прямо с запятой. И вот мои молодые коллеги задают мне вопросы как будто личного свойства, будто из интереса ко мне, будто «для работы» и чтобы и моя мысль не застаивалась. А я уж вижу, что они тоже шатаются, что и они будто менее уверены, чем прежде, что и у них такая привычная «система координат» (духовный наш позвоночник) тоже вроде как потеряла надежность, стала менее устойчива. И вот им захотелось проверить на чужом опыте – что там с преемственностью и общностью опыта. Вопросы были отвлечены и «художественны» и я, было, хотел отговориться – что я Вам Умберто Эко какой-нибудь или Дмитрий Сергеевич Лихачев, чтобы расставлять опоры? А потом раздумался, и правда захотел оглянуться: что у меня самого-то с этой «системой», с этим внутренним «крестом» горизонтали общего времени и вертикали личной судьбы. Самому-то на что опереться?

А ведь и правда была же, наверное, первая книжка и с чего-то же начинался, как читатель, раз дочитался до литературного критика?

И вспомнил! Вспомнил! Читать-то, вроде выучился рано. У раскулаченного дедушки в землянке, где мы жили с мамой и братом до 1946-го года. Выучился по псалтыри – единственной книге у деда, так что в школе потом сначала растерялся перед букварём без «еров» и «ятей».

Ну, и читал потом в школе в деревне и уже на Урале в Чусовом, куда мы с 1947-го года переехали к отцу, как все и что все.

А вот первая-то книжка, как именно книжка, как «чтение», вспомнилась сейчас случайно. Она называлась «Далеко ли до Сайгатки». Наверно, это было классе в пятом, а то и шестом, когда я рискнул записать в городскую библиотеку. Помню только обложку, на которой по проселочной дороге шла девочка с каким-то предметом подмышкой. Поди, именно из-за девочки и взял. Об эту пору уже поглядываешь на них не с одним ученическим интересом. Ни содержания, ни автора не помню. А только ощущение света и счастья от чтения.

Сейчас вот заглянул в интернет и сразу увидел эту обложку и узнал автора, наверно, очень известного в ту пору, потому что у неё, Антонины Перфильевой, было много книг кроме «Сайгатки», и прочитал первые страницы и тотчас вспомнил то ощущение счастья.

Варя сделала два шага и остановилась. Лестница скрипела и шаталась. Ступеньки на разные лады переговаривались.

«Смотри, сорвёшься!» — трещала верхняя, с широкими щелями.

«И пусть! И пусть!» — тицала нижняя.

Варя подумала, тряхнула головой и прыгнула на площадку. Перед ней была узкая фанерная дверь.

Она толкнула её. Сквозь забитое досками окно полосами падал свет, в нём плясали разноцветные пылинки.

Стропила обросли паутиной. Под ними бархатным слоем лежала пыль. Прямо на Варю по мутному воздуху шла большая серая тень.

— Фу! — сказала Варя и чихнула.

Дверь захлопнулась, тень пропала.

Чердак был весь завален хламом. Чёрный двугорбый предмет стоял между окном и сложенными рамами.

Пробираясь под стропилами, Варя задела его плечом. Предмет взвыл страшным голосом, а со стропил посыпались мусор и труха.

— Ну-ну! — сказала Варя.

Она сдёрнула с предмета покрывавшую его клеёнку и увидела жёлтые, как нечищенные зубы, клавиши. Четырёх не хватало, вместо них темнели дырки.

Варя потрогала клавиши: они пошипели и замолчали. Тогда она растопырила пальцы и с силой ударила по ним;

клавиши опустились, и Варя показалось, что рядом жалобно заплакал ребёнок.

— То-то же! — сказала она. — Очень интересно, похоже на рояль.

Под полом кто-то громко три раза стукнул.

— Не дадут поиграть... — проворчала Варя и задёрнула клеёнку.

Значит, вот с этого ощущения счастья и началось настоящее «чтение» и явился на земле еще один «читатель».

Ну, а потом уж действительно поспел «читатель» в лучшем значении, когда этого не знаешь, а только дивишься в книгах неисчерпаемому чуду мира и родству его с тобой. «Читатель» — это, кажется, и есть тот, кто уверен, что мир писан для него. В «Сайгатке» уже всё было моё: и эта озорная девчонка (я бы тоже ударил по клавишам на чердаке и чуть картинно сказал: «Не дадут поиграть!»), хотя только и умения «играть» что вот так хватить по всем клавишам сразу).

А уж потом были гайдаровские «РВС» и «Голубая чашка» и «Чук и Гек» — такие же чистые и сразу свои — Сайгатка была на Каме, в которую впадала «моя» Чусовая, а Гайдар и вовсе бывал в Чусовом.

И опять об этом не думалось, а просто жилось в одно сердце. Как там у Тани Лариной «Пришла пора — она влюбилась». Вот и тут все книги словно только меня и

дожидались. И волновала сердце горьковская «Мальва», и счастливо ужасала тургеневская «Клара Милич».

Моим вопрошателям хочется, чтобы «сюжет жизни» был последователен – вот, мол, как делаются писателями. Будто и не жил, а всю жизнь «становился», поэтому я почти не удивился второму вопросу:

«Каков был первый писатель, с которым Вы познакомились? Какое произвел впечатление?»

Да не думал я ни о каких писателях, а жил себе да жил как все и на книжки оставалось только то, что оставалось. Хотя, может, Господь и присматривал, подталкивая в драмкружок при Чусовском Доме культуры металлургов имени Карла Маркса (кого же еще в Чусовом?), а там уж и роли сначала в «Красном галстуке» Михалкова, там, к старшим классам и в «Женитьбе Бальзамина» и в «Двух капитанах», а это ведь тоже чтение и внимание к слову. А писатель в Чусовом был один – Иван Реутов. Я знал это по газете «Чусовской рабочий», где нет-нет и печатались его рассказы и стояло «писатель», что заставляло сразу читать уважительнее, хотя ничего из прочитанного не помню. И самого писателя не видел и проверить «впечатление» не мог.

А однажды в школе нас собрали на встречу с писателем Астафьевым. Только засмеяться. Вот как писал об этой нашей «встрече» сам Виктор Петрович, когда мне уже было шестьдесят: «Он был учащимся старших классов чусовской школы №9, когда я уже стал ходить «в писателях» (улыбнусь в скобках, что потом он всегда ставил ударение иронически «в писателЯх» - В.К).

Однажды я выступал в этой девятой школе. Стол на сцене покрытый красной скатертью-материей, цветы в вазочке, пионеры салютуют, приветствуя писателя, хвалят, и мне это очень даже по сердцу, нравится носить такое редкостное звание... Но что такое?

Среди благоговейной тишины и робкого доверительного почтения смешки в задних рядах, шушуканье, гримасы, шевеления и прочие неудовольствия. Это старшеклассники демонстрируют пренебрежение и презрение к местному творцу, уж кто как, но они ведают, что своем отечестве, тем более чумазом, дымом и сажеей покрытом городишке, пророка нет и никогда не будет. Среди этих воинствующих в силу их возможностей недоброжелателей, узнал я впоследствии присутствовал и будущий критик Курбатов».

Впрочем, узнал об этом Виктор Петрович из моей к первой книжки о нём, где я и отвечаю на вопрос моих любопытных товарищей про «впечатление от писателя». «Писателя мы знали, он жил за школой на Партизанской улице и рыбачил с нами на Усьве. На трибуне этот худой мужик был такой же, как на реке. О писателях у нас было другое представление. «Оторваться» (нынешние школьники уже поди и не знают, что в наши дни это значило «сбежать», а не слушать не отрываясь) было нельзя, выходы были перекрыты учителями – и мы сели сзади и спокойно прозубоскалили этот лишний «урок», не услышав из выступления ни слова...». Вот Вам и «знакомство» и «впечатление».

А не будете задавать интеллектуальные вопросы. Ведь тут между вопросами-то жизнь. И она только в непрерывности и ответ. Вот тут после «впечатления» от Астафьева невольно сразу просится вопрос: а потом? Потом-то при взрослой встрече? Ну, и будешь не рад, потому что жизнь уцепится за повод и заторопится высказаться. Отчего старики-то так и разговорчивы – не остановить. Им ведь тоже хочется «ощупать» себя и увериться, что живы. Мы все носим в себе матушку-историю и оказываемся так сплетены с нею, что однажды каждый сам для себя открывает, что история-то это и есть мы – «сплетенье рук, сплетенье ног, судьбы сплетенье»...

Нарочно кивну одному из спрашивающих этой цитатой пастернаковского «Доктора Живаго». Ведь именно это чувство через каждого из нас проходящей истории и побуждает его после прочтения «Живаго», проходя в Москве Камергерским переулком, невольно искать глазами окно, где «света горела на столе, свеча горела» и мелькали эти «сплетенья»...

И как тут утерпеть и не рассказать ему, что за четыре года до его рождения я во флотском учебном отряде в архангельской Соломбале в скучный час дежурства по кухне вижу у плиты сваленные для растопки старые, списанные из библиотеки журналы, и, открыв первое попавшееся «Знамя» год за 55-й, натываюсь на стихи из «доктора Живаго». Убей не помню, знал ли я в ту пору о шумихе вокруг Нобелевской премии роману (после школы было не до книжек – хотел хватить в артисты – сказала художественная самодеятельность и отравил школьной «славы») – провалился в «Щуку» и пошел в столяры в родном Чусовом в надежде через год попробовать снова, но вот тут и явились флот и дежурство. А стихи остановили внимание, потому что в ту пору я, чтобы не терять времени, заочно учился в народном университете им. Крупской художественному чтению (куда денешь артиста-то?) и всякое стихотворение уже читал «вслух». Тут бы для сюжета мне и подпустить товарищу, что я остановился именно на «Свече», да уж не буду. Меня задел «Август» и «Белая ночь». И когда мне выпал «за беспорочную службу» недельный отпуск, я поехал в Москву к товарищу и там и прочитал своему «университетскому» педагогу эти стихи. Отвага была оценена и у меня теперь есть крошечный диплом, извещающий, что я получил за это чтение «отлично».

И как не воспользоваться случаем и не сказать флоту похвальное слово. За четыре с небольшим года он научил меня быть радиотелеграфистом, наборщиком корабельной типографии, а в полтора последних года и корабельным библиотекарем (видать все-таки книжки «лезли из меня») и уж вот тут-то я и почита-а-ал! Прежде всего, конечно, жарко обсуждаемых экзистенциалистов, чтобы прочитать на все лады пересуживаемые тогда толстыми журналами камюсовскую «Чуму» и сартровскую «Тошноту» Они еще не издавались у нас и пришлось выучиться польскому и купить эти книжки в Мурманске, где был магазин с «чужими» книгами, потому что порт был международный. «Тошнота» научила меня в подражание герою писать дневник. А уж камюсовский «Миф о Сизифе» и вовсе вооружил от всех переживаний об уходящем времени – имей мужество катить камень вверх, зная, что он тотчас скатится с вершины и надо будет начинать сначала и начинать без отчаяния, потому что это и есть жизнь. Что было после этого не служить?

А сами экзистенциалисты всё талдычили о Марселе Прусте, о его «утраченном времени», как о своем предшественнике. И – вот чудо! В «моей» флотской библиотеке без моих забот, наверно, из-за предисловий Луначарского было целых две книжки, изданные еще в тридцатые годы – «В сторону Свана» и «Под сенью девушек в цвету». Не хмыкайте, а поглядите материалы Первого съезда советских писателей, Там только и было разговоров о Ремарке, о Джойсе, о Прусте – советские писатели хотели обнять весь мир.

Пусть простит меня Северный флот я при демобилизации утащил их с собой, как и маленькую книжку о русском экзистенциализме московского философа Пиамы Павловны Гайденко (через десятки лет я стану прихожанином собора Иоанна Предтечи в Пскове и однажды из случайной оговорки нашего настоятеля отца Андрея Давыдова узнаю, что это его матушка). Теперь бы взять да и снять эти книжки «на карточку», но в житейских скитаниях я давно растерял прежде любимые книги. Да и не писатель ведь какой-нибудь, чтобы беречь эти сокровища – прочитал и ладно.

А вот теперь можно бы перейти к очередному вопросу моих собеседников:

Любите ли Вы общаться с писателями, поэтами, музыкантами, художниками, актерами...

Вы любите ли сыр? – спросили раз ханжу. – Люблю, – ответил тот, – я вкус в нём нахожу.

Ну что ж, последую старику Козьме Пруткову и попробую определить этот «вкус общения». Всё началось там же, на флоте. Не все же читать – надо кому-то и рассказать про что сам-то думаешь на полях прочитанного. Да и время разговорчивое. Оттепель. Каждому хочется выкрикнуть: «Вот я!».

Мне было мало выпускать на крейсере газету «Искусство и мы», где находилось место и Камю с Сартром. Мало было читать со сцены Дома офицеров Североморска «Наследников Сталина» Евгения Евтушенко, после чего меня прижал замполит, не знавший, что «уже можно», но я уже был хитрый и вытащил из кармана вырезку из «Правды», где это стихотворение было недавно напечатано. А «Правда» это «Правда», там все буквы большие, это ЦК и тут не пикнешь. И мало было мне читать вслух малому числу единомышленников в своей библиотеке после отбоя зажигательную книгу В.Н. Турбина «Товарищ время, товарищ искусство», из которой мы, бледнея от отваги узнавали, что лучшим иллюстратором «Войны и мира», наверно, был бы Пабло Пикассо, потому что Наташа Ростова шептала о Пьере Безухове, что он четверугольный и красный с синим».

А я еще в Чусовом, копировал брюлловский «Последний день Помпеи» и был еще весь «передвижник передвижником». Но тут я с Турбиным неожиданно согласился, но в общем сам модернизм не принимал и спуску ему в своей стенной газете не давал. И однажды так осмелел, что написал заметку в газету «Комсомолец Заполярья» и «дал там прикурить» Сальвадору Дали, Джеймсу Пикабиа, Джаксону Поллоку и Хуану Миро. И подписался «старший матрос Курбатов». Почитали бы эти «пачкуны» «Комсомолец Заполярья», они бы знали свое место. Да вот, видно, наша газета не доходила до Испании и Штатов.

Мне уже хотелось затеять переписку с теми, кто определял интонацию времени в литературе и я написал критику «Октября» (уже тогда начинавшему «бодаться» с «Новым миром») Ларисе Ивановне Крячко. И она отозвалась, отчитав меня за любовь к Юрию Казакову («сегодня мало слушать всхлипы гориллы на ветру» – это она о любимом мною рассказе «Трали-вали»), но зато поддержала мою критику рассказа Солженицына «Для пользы дела» и потом даже процитировала в своей «октябрьской» статье о рассказе мой тогдашний отзыв. И мне бы сейчас погибнуть от стыда, но меня утешает вычитанное мною в нынешнем интернете, что и сам Александр Исаевич считал потом этот рассказ «мельче других» и добавлял, что у него «противный осадок из-за него».

Спустя сто лет Александр Исаевич пригласит меня на церемонию вручения Солженицынской премии Инне Лиснянской, а потом я уже буду ораторствовать в ней по его приглашению при присуждении премий Виктору Петровичу Астафьеву (привет средней школе номер 9 города Чусового) и Валентину Григорьевичу Распутину. И я так и не решусь спросить, знал ли Александр Исаевич мнение старшего матроса Курбатова о его «Пользе», сказанное в 1963-м году.

Тогда же очень молодой и заводной журнал «Молодая гвардия» пригласил читателей принять участие в обсуждении новой рубрики «Комментирует Владимир Турбин». Как было не отозваться – раз зовут. Я написал. Владимир Николаевич отозвался и переписка пошла так живо, что он пригласил меня после скорой уже демобилизации попробовать поступить в МГУ, где он преподавал, и я без страха (такие мы были демократические ребята) приехал к нему и поселился на старом диванчике. Но, желая помочь мне взглянуть на родную словесность пошире, Владимир Николаевич день на третий предложил мне почитать старую, довоенных лет издания, книжку П.Н. Медведева «Формальный метод в литературоведении». Потом я узнаю что книжку написал в ссылке после лагеря Михаил Михайлович Бахтин, а подписал её его ученик Павел Николаевич Медведев по просьбе самого автора, чтобы наука не стояла на месте.

Я был потрясен глубиной, чистотой анализа и блеском формы настолько, что по прочтении, пока Владимира Николаевича не было дома, тихонько положил книгу на стол, приложив записку, что мне никогда не достичь такой ясности и силы, а, значит, не стоит и соваться и занимать место того, кто достигнет, и ускользнул с гостеприимного диванчика навсегда.

Владимир Николаевич потом нашёл меня в Чусовом, корил и просил вернуться, но мне уже было не победить комплекса. А там я скоро сбежал и из Чусового сначала в Ленинград, потом в Псков и стал жить...

30 янв 2021 12:03

Спасибо, Лола! Правда, подумайте: не уговорить ли господ литераторов вспомнить, как они начинали – может выйти неожиданная история литературы. Сейчас вот сложил книжку из нашей переписки с Распутиным за тридцать лет. Сколько боли и сколько неожиданных расхождений, особенно в 90-е годы. Хорошо мы до конца договаривали и были открыты друг другу и не доходило до того, до чего доходило у них с Астафьевым. Хоть я и звал того и другого поговорить лицом к лицу – глядишь, всё и разрешилось бы и они не рвали бы читательское сердце и не усугубляли болезнь. Трудная будет книжка и опять, как в случае с Астафьевым (с нашей перепиской с ним), разведёт меня со многими товарищами. Но уж что сделаешь. «Документ» он и есть «документ» - пусть будет как было. Я тоже надеюсь повидаться с Вами в Михайловском. Шепните заранее – когда будете. Обнимаю Вас.

Ваш В. Курбатов.

31 янв 2021 17:37

Показывал ли я Вам это сочинение, Лола? Хотели напечатать в Красноярске, но что-то помешало. И в Иркутске помешало. Из ума вышел – забыл. Дружок-то Альцгеймер не дремлет.

В.К.

3 февр 2021 11:28

Это и ещё лучше. С утра 11-го отдохнёте, находитесь по городу со мной или без, а в 16 часов добро пожаловать на встречу в областной библиотеке. Университет, к сожалению, ленив и нелюбопытен. Даже намекнул, чтобы слушатели копеечку захватили – вдруг журналы можно купить или книжки Вы привезёте. Так-то народ не заставишь раскошелиться, а при живой встрече книжку лучше слышно и видно. Обнимаю Вас.

Ваш В. Курбатов.

14 февр. 2021 17:49

Просите, Лола, качество так себе – снимал-то с заднего ряда, пытаясь увеличить. Но Лидия Степановна увидит, что Вы действительно говорили о Вашей книге. А Павел Григорьевич действительно стоял на трибуне Малого зала Пушкинского Заповедника, когда показывали вариант памятника Семену Степановичу Гейченко. Зато в гостевом доме мы «как живые». А уж варианты Памятника С.С. «в нагрузку» - вдруг сами не снимали. Паки и паки обнимаю. Успел привыкнуть и теперь долго буду оглядываться утрами – где Вы?

Ваш ВК.

15 февр 2021 17:53

Чтобы укрепить Ваши симпатии к Георгию Николаевичу, шлю нашу с ним переписку в пору, когда он гулял по Италии и Испании, а я сидел дома. Мелькает там тема Бродского, которому я писал стишок в его почтовый ящик на могиле на кладбище сан-Микеле в Венеции и архитектор Гауди, сочинивший бессмертный собор в Барселоне. Во какие мы были болтливые десять лет назад. Обнимаю и обнимаю. Так-то постеснялся, а теперь вот стыд потерял.

В.К.

Переписка с Г.Н.В. поздней осенью 2010 года

Я.

Пропали все, пропали

в туманном далеке,
а тут сиди в печали,
во вздохах: эхе-хе...
Дожди идут со снегом,
тоска идет с тоской...
Под чьим Вы нынче небом
и в стороне какой?

Он отвечает, что в Риме.

Я.

И слава Богу! Кланяйтесь Петру.
А коль случится, кланяйтесь и Павлу.
А я скучаю днем и поутру
и мысленно за вами сердцем правлю.

Георгий

Из Рима на поезде скором,
туннель за туннелем глотая,
в Венецию мчимся.
Вы с нами незримо
в Венецию мчитесь:
сан Марко, Сан Марко – колеса стучат.
Под солнцем светлы Аппенины.

Я.

Увидите Иосифа – привет.
Прочел ли он мое к нему посланье?
И ждать ли на земле его ответ?
Иль уповать на скоро свиданье?
Да вот, боюсь, не свидимся, увя
– небесная Венеция со Псковом
граничат вряд... Архангельской трубы
нам слышать зов не под одним покровом.

Георгий

Поэту оставляли вы посланье, -
Почтовый ящик памятник его
Лишает одинокого молчанья.
Всяк пишет строфы, у могилки стоя,
Тень Бродского читает их, наверно,
Но отвечает ли, одни поэты знают.
На чимитеро старом Сан-Микеле.
Иосифу, Поэту, Вы писали..,

Я.

Что Рим, Венеция? Все так же ль сердцу милы?
Иль грусть российская находит вас и там?
Как нагнала меня своим лицом унылым,
хоть нынче я бреду по невским берегам.

Георгий

*В Милане мы, пьем кофе у Ла Скала.
День ясен, город дарит свой покой.
Изысканны музеи, жаль лишь мало
мгновений упоенья красотой.*

Я.

*А слух идет – у вас в Милане
и тенора уже не те.
Нет, нас в Миланы не заманишь
- своих полно глухих тетерь.
А впрочем, это все завидки:
Душа-то с вами кофий пьет.
И у Михайловской калитки
родной гармонью душу рвет.*

Георгий.

*Светлейшая пронизана лучами
октябрьского солнца.
День украшен алмазами имен венецианцев:
художников, поэтов, флотоводцев.
Строителей безвестных
помянем граппы огненным глотком.
За здоровье друзей уже мы пили.
Теперь Вам пишем в старом парке сидя.*

Я

*Как хорошо в Венецию домой
вернуться после скучного Милана
Отрадней и милее, боже мой,
вернуться в Псков из питерских туманов.*

Георгий

*Венеции благословенны дни.
Но вот уж минули летучие мгновенья.
Мы снова в Рим стопы свои стремим,
дорог внимая мудрому ученью.
День солнечный. По-летнему тепло.
А дома холода, дожди и ветры?
Примите ж, осени скукоженной назло
душевное тепло сердечного привета.*

Я

*В Рим, как домой, -
куда еще стремиться?
Империи покой
душе усталой снится.
А в Пскове дождь и дождь
– глаза бы не глядели.
И счастья ни на грош,
зато тоска при деле.*

Георгий

*Да в Риме хорошо! Гостить
иль пилигримом святыни посещать.
Ин дело – жить! Сейчас сбегутся муки –
сосед, начальник, рок вседневной суеты...
Тем счастливы, что ныне пилигримы
И к Риму на поклон, с молитвою пришли.*

Георгий

*Весь день в музеях Ватикана.
Знакомых лиц улыбки и гримасы.
Античных мраморов неумолчные гласы.
Пап череда. Придворных их павана.
Молитва перед алтарем Петра.
Среди понтификов один без герба (Апостол Петр).
И в этом он Христу доселе верен:
Христом он призван и крестом измерен.
День завершен, но бесконечен Рим.
Спасибо, Господи, я счастлив встречей с ним.*

Я. *А я встречаю батюшек чреду
и каждый намекает на Палату:
не мог ли я закинуть там уду,
что, мол, у них торжественная дата –
полтыщи лет служения Кремлю.
А сами третий день из атеистов.
А я киваю, слушаю, терплю,
хотя в душе и гневен, и неистов.
Скорей домой и двери на засов!
На улицу ни-ни и телефоны в шею.
Все моего безволия порок.
Все потому, что «нет» сказать не смею.*

Георгий

*А, батюшки! Им имя легион.
Опять, как прежде – опиум на раны.
Все норовят исследовать карманы,
используя для этого амвон.
Они, как мы, мирские от мирского
Вновь в мир пришло и мир не принял Слово.*

Я

*А в замке Ангела, поди,
подать никто не смеет граппу.
А взял с собой – того гляди –
домой отправят по этапу.
А вот в былые времена
мы там отчаянно пивали!
И верно, в местные скрижали
вписали наши имена.*

Георгий

Да, выпить не с кем – это так!

*И в Замке Ангела, и выше –
на Ватикана главной крыше.
Без Вас здесь в Риме кавардак.*

Я

*О да! О, да! Повсюду кавардак,
где нет меня. Где кьянти нет и граппы,
там или демократии пятак,
иль дураки, тираны и сатрапы!
А граппа! О! Свобода и полет,
права, закон, монархия, порядок!
Враг государства всякий, кто не пьёт!
Ославим их сатиры тонким ядом.*

Георгий

*Вам всё шутить! А мы уже в Мадриде.
Здесь пушкинский влюблялся Дон Гуан,
здесь Вега, здесь Сервантес. Здесь был дан
урок жестокий веры – аутодафе.
А ныне чертовщина – хеллоуин
всему замена: пьесам, вере, казням.
Прошедший вечер все же был прекрасен.
Мадрид красив и с сердцем говорит.*

Я

*Ну, вот и тут у них хеллоуин!
А что Сервантес? Что старик де Вега?
Зачем же им поддакивать чужим,
забыв Того, Кто Альфа и Омега.
Веласкес что? Что Гойя? Все молчат?
Что батюшка – великий инквизитор?
Мельчает поколение внучат. ..–
бабло, видать, в их храме нынче ктитор.*

Я.

*Мадрид, Севилья, Прадо - что еще?
Дали и Лорка, хОта и фламенко,
Коррида, торо, - как всё горячо!
Как глубоко! А у меня так мелко.
Синичья мелочь, желтая листва.
И та кой-где, на улице все голо.
И сердце трепыхнется раза-два
и «отдыхает». Скучно, право слово.*

Георгий.

*Сегодня было то же, что вчера –
в Эскориале на картину глядя,
был удивлён, увидев надпись: Автор
нам неизвестен (аноним-фламенко).
Испанский танец – жгучая фламенка -
в дословном переводе суть «фламандка».
Как дивно! А «фламенко» - пара ей*

– испанцы называют так фламандца!

Я.

Вон как! А притворяются, что их –
фламенко, хотя, Перес де Реверте,
а приглядишь, да скинь-ка их парик –
все русаки, да белорусы гэта.

И ничего. Пускай! Чай, тоже надо жить..

А нашего богатства не убудет.

А к Гауди заглянете служить –
он Терebene в памяти разбудит.

Георгий

Сегодня побывали в славном замке
с названием старинным Аранхуэз.

Жемчужина в Кастилии короне!

Название тоже ничего себе.

А завтра быть должны мы в Компостелла.

Но Папа тоже завтра будет там.

По Праге помним мы визит ВИП-гостя!

А так хотелось просто помолиться
перед древнею святыней в тишине.

Я.

Вы провожали Папу одного.

Теперь грешно не повстречать другого,

Чтоб лучше слышать логику Того,

Кто шлет их для служения земного.

А нам родных сегодня поминать

в Димитриеву горькую субботу.

Все множится небесная их рать,

пока земную правим мы работу.

Георгий.

Мы Папу встретили!

Весь день мы были с ним.

Молитвы пели, слушали, смотрели

с испанцами ему желали сил,

о возрасте преклонном сожались.

И проводили вновь его в полет –

Из Компостелло нынче ж в Барселону.

Шлем из Сантьяго вам свои поклоны!

И Папины благословенья шлем!

Я.

Спасибо Папе за благословенья,

а вам за их трансляцию мерси!

Глядишь, во мне окрепнет вдохновенье

и у Пегаса будет больше сил.

А то дожди нам крылья подмочили.

Ни в церкви сил, ни тяги ко стиху,

а сердце просит утром ли, в ночи ли

противиться уныния греху.

Я (в развитие преклонности папиных лет)

*Из теста, видно сотканы другого
(хотя из теста, кажется, не ткут),
Кто знает власть небесного покрова,
кто ведает границу Там и тут.
На то они и Папы, чтобы дети
под их рукой не ведали тревог.
Куда бы мы ни шли на белом свете,
старушка-жизнь везде сулит урок.
(потерял Георгиеву восточку, что в Испании снег и не от нас ли он?)*

Я

*Откуда снег? Помилуйте – весна!
Синичье пенье, солнышка сиянье!
Как в юности беспечной не до сна.
Куда Испании, где стынь и прозябанье.
Чай, не Мадрид, где вечны холода, -
у нас теплы и небеса и море.
Бросайте всё и правьте челн сюда,
где лучшее с хорошим вечно спорят.*

Я

*А с Гауди, поди
молиться и не думай.
А только всё гляди,
верти башкой разумной
Да ух ты! восклицай
- вот это да! ну, дали!
У нас в Опозке, чай,
такого не видали.*

Георгий

*Нет, Гауди старик не давит на бродягу.
Молись себе и пой, как птица в ранний час.
И хоть без Гауди не ступишь здесь ни шагу,
по-прежнему он восхищает нас!*

Я

*Да, я его видал в одном большом альбоме.
Что дал старик, то дал –
вся жизнь в одном флаконе!
Так замок из песка начнет у моря мальчик,
а кончит стариком и от любви заплачет.
Не жизнь была, а миг, как море отшумела
и Бог его настиг... Иль Бога – он – за делом...*

Я.

*Отвагу Вашу зная,
Решаюся спросить:
Уж Вы не в Парагвае ль*

*Изволите пребыть?
А то Вы вон молчите.
Задумаешься тут:
Куда Вы щас летите,
Где ищите приют*

Георгий

*Живём себе в Севилье: Кармен, Сервантес и
Король Альфонс, Веласкес, короли-арабы.
Гуляем в дождь и ведро и пишем письма Вам
о том, что повидали, о том, что было с нам.
О том что и назвать порой нельзя, лишь сон,
сравнив со сном, видению подобным...*

Я.

*А мы живём во Пскове
С Сан Санычем сам-друг.
И все друг другу внове.
И нам не тесен круг.
Про то, про сё судачим.
Отечество браним.
Потом над ним поплачем.
Суди – кто не судим.
А дождик за окошком.
Шуршит себе как мышь.
И грустно нам немножко.
И ладно – не Париж...*

Георгий

*Сан Санычу поклоны
и наш большой привет!
Сейчас бы с вами вместе
сесть за большой обед!
Со вкусом выпить водки
селедкой закусить.
Ненастье за окошком
беседой отменить.
Поговорить о странах,
где солнце в ноябре;
о нас; в любви признаться не раз родной земле.
И пожелать друг другу
дорог и новых встреч,
жить, дружбой
дорожить ей
как зЕницу беречь.
Друзья, вас обнимаю
по вам скучаю я!
Письмо вам отправляю
во Псковские края!
Шлю вам Севильи солнце
и в наш Гвадалквивир
за вас монетку брошу:*

ведь мал и тесен мир!
Эх! Как хотел бы с Вами
здесь допоздна бродить
и дорогие тени
беседою будить.

Я.

Вы вернётесь вот-вот, ну а я,
как назло, вновь сорвусь беспорядочно
в нечужие как будто края
на столетье Толстого.
А тревога даёт себя знать.
Там, в Астапове, в день его смерти
что-то главное надо сказать,
а я весь в бытовой круговерти.

Георгий

Отсюда из прекрасного далека
жизнь видится в Отечестве иначе.
Нет суеты сиюминутных будней
и вечных «надо», «должен» и «обязан»!
Долженство Богу – прочее пустое!
Но знаю, что войдя в пределы отчи,
как все мы, суеты добычей стану.
Езжайте с Богом! Возвращайтесь скоро!

Георгий.

За окном слово море шумит Барселона,
самый главный бульвар, он зовется «Рамбла».
А от Вас третий день уж ни звука, ни строчки.
К Вам доходят открытки в родные края?

Я.

За окном Болгое. В купе духотища.
И сосед то храпит, то кричит.
Еду день или два или целую тыщу.
Ночь смиренью решила учить.
Все открытки со мной – утешенье и нежность -
среди болотистых русских равнин.
Ночь летит за окном, как конца неизбежность.
Вы со мной и в отчаяньи я не один.

Георгий

У железной дороги железное сердце.
Век сменился второй, но у русских дорог
неизменность в ходу –
то ль жестокое детство,
то ли дикость пространств, то ли так на роду...

Я

У дороги железной и душа такова.
Знал, на что шел любезный.

Где была голова, когда жить соглашался,
по России служить?
Вот ты, брат, и попался...
Ну, пора выходить...

Я.

Друг мой, я очень и очень болен»
(кто писал? – не узнать хоть убей!)
Я в себе совершенно не волен
погибаю средь русских полей.
Мне бы к Вам посидеть на пороге,
улыбнуться течению дней.
Я ж, увы, все в дороге, в дороге.
И чем далее, тем более в ней.
Всё куда-то бегу или еду,
кто-то просит, а кто-то зовет.
Суэта одержала победу:
перелёт-недолет-перелет...

Георгий

Перелет – это значит, что снова
под крылом пелена облаков,
над крылом, как рожденное слово, –
солнца золото. Плен городов,
неподъемная ноша ошибок,
обязательств, постылых долгов –
все внизу, вы летите, и времени гибок
бег, – суровейший из поводков.
Вы летите в Финляндию или
в индевеющий край – Чусовой?
Мы Вас ждем, возвращайтесь скорее
в край родимый михайловский свой!
Мы вас тоже, как прочие просим –
полетав, возвращайтесь домой.
По декабрьской первой пороше,
в дом войдите. Щемящей струной
расставаний
не мучайте душу!
Зимы нам для того и даны,
чтоб вернувшись по-детски наивно
жаждать новых дорог и весны.

Я

Нет, увы, я летаю пониже.
Не Сибирь, не Урал, а полати и печь.
Я к домашней аптеке поближе,
чтоб до времени в матушку-землю не лечь.
Полетел вот в Астапово и чуть не помер –
то-то было бы смеху – уйти за Толстым.
Оставляю другим сей комический номер.
Лягу с Пушкиным. Буду простым.

Георгий.

*Нет, уж будьте добры выпить тонну микстуры,
съесть таблеток сколь надо, уколы принять!
Недостойно ревнителю русской культуры
опыт гения в точности вам повторять.
Поправляйтесь. Вас ждет испытанье похуже:
тысяч пять фотографий восьми городов.
Вот, признайте, из всех испытаний тяжчайший
дружбы долг, - крест достойный железных крестов.*

Я

*Деревня, где скучал Евгений,
Теперь велением судьбы
Благословит мои труды
И скрасит горечь размышлений*

*О тех бесчисленных годах,
Когда без разума и цели
Летел беспечный вертопрах, как пух летает по панели.*

*Пора за дело. Бедный труд
Пора считать своей отрадой,
Свою обязанность – наградой
И семена, глядишь, взойдут.*

*Быть может, светлые слова
Придут в награду за смиренья
И с сердцем сладит голова
На пользу критикотворенья.*

Георгий

*Постскриптум. Шли дожди
и время летело за дождями вслед.
Минувшего остался след
в словах. Бумаге белой они теперь принадлежат.
Мысль жизнью некогда кипела.
А ныне – это просто взгляд
издалека на то, что было
что волновало, что остыло,
Но, что пройдет, нам будет мило, -
Как Пушкин некогда сказал.*

17 февр 2021 13:02

Нет, Лола, Георгий Николаевич, не хочет печатать наши «стишки». Добрые сотрудники найдут способ использовать их во зло. Я ведь и посылал не с тем, а чтобы Вы улыбнулись свету этой души. Чё сделаешь? Талант так и прёт. Вот Вам ещё мои сочинения. А потом ещё пришлю стишки, которые писал на оборотах художественных открыток, «комментируя» их содержание. Взять и напечатать на цветных вклейках... Ваш
Неизвестный поэт.

*Не листок не шелохнется,
Не кивнет цветок
Только ласточка смеется*

Черный лоскуток

*Встав на цыпочки, береза
Смотрит на закат
Свет вершины нежно розов
Облака горят*

*Всё по сердцу. Всё по праву
Господу в саду!
Что же я-то, Боже правый,
Места не найду?*

*Снова нас Творец прощает
Вновь благоволит.
Слышу, Вижу. Понимаю.
А душа болит.*

*К ночи сердце вдруг сожмется-
Стихнешь, не дыша.
Тянет будто из колодца
Холодом душа
И такая вдруг тревога –
Господи, с чего?
Только нет, мой друг убогий,
Не тревожь Его.
Не взывай ты понапрасну
К смолкшим небесам.
Этот ужас арзамасский ты возделал сам.*

*«Я на даче один. Мне темно...
Это Бунин вздыхал, сожалея,
Что не в радость уже ни стихи, ни вино,
Ни закат в опустевшей аллее.*

*Все казалось: каприз! Что играет поэт
Обольщает жеманную Музу
А прижала тоска, вижу, Господи, - нет!
Сам в насаду себе и обузу.*

*И чем вечер нежней и чем ярче цветы,
Тем острее и горше тревога
Ну не рано ли, брат? Ну чего это ты?
Мы еще побредем. Повоюем немного.*

*Мир ещё молод и свеж!
Мир ещё нежен и тонок!
Только на нём и одежд
Ласковый воздух пелёнок*

*Почки так жадно туги!
Птицы орут так счастливо*

*Волей Господней руки
Лепится новое диво*

*Тысяча первой весны
Тысяча первого лета
Господи, не закосни
Не угаси сего света!*

*Жизнь уже вся прожита
Сбилась кукушка со счёта
Вон горизонта черта –
А уходить неохота.*

19 февр 2021 16:15

В дополнение к сёмочкинскому «Поколению» два его письма мне вдогонку, по которым видно, что мы уже перекинулись словцом по телефону. Вдруг Павлу Григорьевичу будет интересно, потому что это в русле его книги, которая меня тоже мучает, потому что отменяет мою жизнь, прожитую в другой стране. Эх, так нам, дуракам старым, и надо! – развесили уши: «И Ленин всегда молодой и юный Октябрь впереди! Ваше дитя малое В. Курбатов.

20 февр 2021 19:34

Вдруг Сёмочкин-то, как-то пригодится. Так что вот и его портрет. А я пошёл в молчание, чтобы не путаться под ногами со своим стариковским миропониманием - жалко ему, вишь, его заблудившуюся жизнь. Правым хочет помереть в вечно неправой стране. А стишки мои на открытках вот. Помру, так хоть посмеётся – вот, де, бесстыдник: ему уже помирать пора, а он всё озорует. Обнимаю и скучаю – привык уж вечерами у камина сидеть...

В.К.

На оборотах картин.

Питер Брейгель. Охотники на снегу.

Усталый меркнет день. Звон детских голосов

С веселого катка несется над селеньем...

Де Гоох восхищен наследника рождением,

Палит в костре свинью для праздничных тиров.

Когда бы в час иной с удачливых охот

Вы возвращались пьяные погоней,

Кровавые созвездия ладоней

Взлетели бы: «Виват, де Гоохов приплод!»

Увы, на этот раз поклонники ловите

Не вознесли положенных молитв,

За что и отмщены проказницей Дианой

Потупивши глаза, с единственной лисой

Минуют дом... Де Гоха взгляд косой

Им не сулит вина в пирушке окаянной.

3.12. 74.

7 декабря 1974

С фиалом яду вам не выступать

Не ведать сладкой тяжести доспехов!

*Бескровных достигатели успехов
Так жалки вы, что лень вас оскорблять!*

*Ничтожества, взгляните, как тяжел,
Как хищен блеск защитного металла!
В иные дни и Кир, и Каракалла
Предпочитали кованный камзол.*

*Как славно лёгким лезвием меча
Вспороть живот оплошного плебея
И видеть, как, дымясь и пламенея,
Стекает кровь с журчанием ключа.*

*Вам не уйти от нашего суда
Презревшим меч для пиджаков из твида!
У врат гостеприимного Аида
Мы встретим вас. Счастливо, господа!*

(Карл Витц (1400-1445) Воины Завад и Ванея перед царем Давидом)
*Куда нас путь губительный завлек?
Какая дрянь – все мужики да бабы!
И что им в нас – мне, право, невдомек
Вергилий, объясни, что это за ухабы?*

*Того гляди утопят, подлецы,
А я не с тем в Аид к тебе явился,
Чтоб надо мной нагой мертвец глумился
И лезли в чёлн вот эти молодцы!*

(Эжен Делакруа, (1798 – 1863) Данте и Вергилий.

*Ослабь свой лук, коварный купидон
Сегодня я сама готова к бою
И тоньше оперенною стрелой
Зажгу в сердцах губительный огонь
Минующие пышный Эрмитаж
Лукавые льстецы и негодяи,
Что вам до жен! Ведь я почти нагая-
Глаза ко мне! Я взгляд поймаю ваш.
Ах, ветреники жалкие мои!
Скопцы мои! Взгляните хоть украдкой...
Низ живота томительной загадкой
Смущает в вас рогатые умы
Как сладок грех! И как ничтожна плоть,
Которую, увь, я воскресить не в силах
Покойтесь до утра в засаленных могилах
Оставь, малыш! Стрелы на них не порть!*
6.1.75

Лукас Кранах-старший (1472 – 1553) Венера с Амуром.
*Пока взвивая облако зонти
Жена дурачит праздных ротозеев,*

Муж вынимает деньги изо рта
Несчастливых прихожан и фарисеев.
Их юный сын идет тропой иной-
Она, увы, опаснее и проще:
От кошелька служанки продувной
Так краток путь к стилету в темной роще
Корить ли их? Господь оборони!
Ты, что с пером выходишь на дорогу,
Воруешь, право, больше, чем они –
И страшно им, когда ты у порога.
Они сойдут в готовый им Эреб
Как все плуты – без робости и страха,
Но ты оплатишь свой постыдный хлеб
Бессонницей мучительней, чем плаха.
9. 12. 1974.

Ян Викторс (1620 – 1666) Шарлатан

Душа моя, что делать мне с тобой-
Такою белой и невинноглазой?
...у первых врат ленивый часовой
Разлучит тело с нежной головой
Руками оскверненными проказой
Затеет стража жертвенный огонь
И перед дверью Иерусалима
За бедное защитное «Не тронь!»
Бездельника тяжелая ладонь
Зажжет ударом щеки пилигрима
Съедят тебя, а что я без души?
Мне ль возвещать пришествие Мессии?
...Ну что ж, раз люди здесь не хороши,
Зачем им Бог? За медные гроши
Враз продадут... Пойдем-ка, брат, в Россию
И там судьба к нам будет недобра.
И там справляют тризны афеисты
Но все-таки с полночи до утра
Нетвердой веры робкие ветра
Вздувает в пепле гаснувшие искры.
6. 12. 74.

Гертген Тот Синт Янс (1460 – 1485-95) Иоанн Креститель в пустыне.

Она – Ах, милый Питер, что-то я боюсь...
Коснись, как горячи ладони!
Он – Ну, полно, Флорин, - твой прекрасный пульс
Все так же ровен (может быть в огоньках)
Она – Твои же руки, милый, холодны
Ты на меня с улыбкой смотришь реже...
Он – Неправда, Флорин, я считаю дни...
(Нет, следовало сделать это прежде)
Она – Зачем рассеян? Смотришь в пустоту?
Зачем не скажешь, чем твой ум встревожен?
Он- (Ах, черт бы брал всю эту простоту –

Кусок доски и перепонку кожи!
Она – Ну, не молчи, любимый, успокой
Моей души смятение и робость.
Он – (взрываясь) – Не видишь я – в чулках перед толпой,
А всё твой вкус, всё обуви негодность!

Ян Ван-Эйк (1390 – 1441) Портрет супругов Арнольфини (1434)

*Премьеры, императоры, вожди
Летит ли снег иль падают дожди
Как и холоп из бедной подворотни
За пышные иль скудные столы
От важных дел иль горькой кабалы
Спешат едой окончить день короткий
Бедняк беспечен, если перед ним
Простой воды окажется кубшин,
Почерпнутый из ближнего потока
Но если царь, то жди, что Саломеи
Внесут венец окравленной шеи
Вчера еще опасного пророка.
Пир Ирода! Пир длящийся века
Брезгливая поднимется рука:
-Ну полно, что за шутки! Уберите...
Заменит блюдо нежный виноград
-Дерзил, и перед нами виноват!
Ах эта служба... Трудно, как хотите.*

Лукас Кранах – старший (1472 – 1553) Пир Ирода, 1531
12.12.1974.

3 марта 2021 18:53

Спасибо, Лола. Всё до слова верно. А карточка у меня есть более поздняя. Я там не такой «красивый», зато там уже есть на груди Госпремия и «Патриот России». Так что если можно заменить, то вот, а нет, так и ладно. Паки и паки обнимаю. И скучаю, скучаю, скучаю... Поклон Павлу Григорьевичу.

В.К.

4 марта 2021 11:08

Простите, Лола, прочитал верстку а в письмо не успел заглянуть. А Вы, оказывается с Лидией Степановной академические медальеры! Слава Богу! Было бы странно не заметить такую книгу. Им бы, дуракам академикам, провести широкую академическую презентацию, погордиться, что есть в России зоркие души, который и ТАМ разглядят русское сердце и русский дар. А в моём «интервью» я думаю и не надо обозначать тех, кто задавал вопросы. Это два человека - издатель и художник, любопытствующие, откуда берутся старики, которым интересно искусство, тогда как по их представлению в Советском Союзе жили одни круглые коммунистические дураки. Но материал и так хорошо держится, без всякий уточнений. А «карточку», хорошо бы сделать чёрно-белой, а то уж больно вызывающе и хвастливо. Впрочем, что возьмёшь с этих глуповатых советских стариков. Обнимаю Вас.

Ваш В. Курбатов.